

Крестьянские общества сегодня

Для начала — два предварительных замечания. Во-первых, однозначно определить и выразить в понятиях сущность *крестьянского общества* как особого способа организации жизни его субъектов, на мой взгляд, весьма затруднительно. К тому же, настаивая именно на таком, а не на ином определении черт и принципов крестьянского существования, мы постоянно рискуем пропустить что-то важное, но не бросающееся в глаза. Поэтому я не буду формулировать каких бы то ни было общих правил, а лишь попытаюсь добавить к накопленному в науке богатству взглядов на крестьянские общества те определения, которые возникли у меня в ходе полевых социологических наблюдений южного региона аграрной России, в процессе изучения крестьян одной из кубанских степных станиц.

Во-вторых, о *сегодняшнем* состоянии крестьянских обществ можно говорить в известной степени условно. Дело в том, что они устроены так, что каким-то непостижимым образом сопротивляются попыткам их систематического научного истолкования. Во всяком случае, они неудобны для понимания, — тем более в таких исторических микромасштабах, как "*сегодня*". Важнейший прин-

цип организации крестьянских обществ *состоит* в том, что они широко развернуты как во времени, так и в пространстве. И в их "сегодня" прочно впрессованы все крестьянские "вчера" и "позавчера". Поэтому моменты трансформации сегодняшнего крестьянства становятся заметными и выразительными тогда, когда мы выходим на них с достаточно глубокими историческими горизонтами.

Центральными субъектами российских крестьянских обществ были и остаются, с одной стороны, крупные коллективные хозяйства, и с другой — семейные крестьянские дворы. Это два важнейших полюса жизненной активности сельских социумов, — как "сегодня", так и "вчера". О них я и буду говорить. Но в своем анализе я постараюсь специально не входить, так сказать, ни в ворота крупной хозяйственной институции (колхоза, АО, товарищества и т.п.), ни в калитку семейного двора. Я попытаюсь удержаться посередине, чтобы увидеть, поймать и понять те потоки отношений, связей, конфронтаций, уважений, сочувствий, попустительств, злобы, доброты и другие, которые порой зримо, а чаще неувидимо для наблюдателя пронизывают и наполняют социальное пространство современной деревни.

"Сегодня" крестьянских обществ уходит корнями в далекое "позавчера", к началу 30-х годов. Тогдашнее их состояние я вместе с коллегами по крестьянско-сведческому проекту Теодора Шанина изучал по устным семейным историям, которые мы записывали в разных регионах сельской России. Сильно упрощая, можно сказать, что отношения колхоза и семейного двора складывались так, что колхоз выступал своеобразным "филиалом" крестьянского семейного хозяйства. Он был в определенном смысле инобытием, сколком двора, являлся как бы дренажной системой, активно впитывающей принципиальные хозяйственно-экономические параметры дворового устройства.

В самом деле, основные рабочие инструменты двора забрал колхоз. Он же оттянул на себя и систему трудовых привычек крестьянства. Большую часть времени крестьяне были заняты в общественном производстве и до собственного дворового хозяйства руки у них почти не доходили. Воспоминания о сельском труде, приуроченные к данному историческому периоду, буквально переполнены рассказами о работе в колхозе. Колхоз рассматривается не как нечто постороннее, чужое, а скорее как расширенный до границ хозяйства крестьянский семейный двор. Из воспоминаний отчетливо видно, как крестьянский двор систематически воспроизводил в колхозном труде свои "дворовые привычки", — заботиться сразу о многом, извлекать выгоду и ресурсы выживания из мелочей. "Мы с весны 1931 г. стали в колхозе жить. Стали подготавливаться к севу. Кузница своя была. Стали плуга делать, бороны. Я

сама боронила, копны возила. Петенька стал подрастать, я его в ясельки возила. На пашне поставили два дома. Мужики там ночевали, а мы утром что настряпаем, несем им. Рожь сеяли, а мы снопы вязали." *(Волкова, Сибирь, Плотниково Новосибирской области.)*

Повторяю, — обозначенная здесь схема весьма груба. Однако, как мне кажется, формула "колхоз—филиал, сколок двора" достаточно адекватно передает существенные характеристики крестьянского общества первого десятилетия новой жизни.

Довольно скоро это состояние начало меняться. Предвоенный и особенно послевоенный крестьянский двор, хотя и медленно, но уже сознательно, начал избегать привычной дворовой крестьянской самоэксплуатации и принял новые, колхозные правила — не особенно напрягаться и выкладываться. В это время начинается постепенное перерождение крестьянского двора в сообщество функционеров, работающих не по собственному понятию и плану, а по ежедневному бригадирскому наряду. Подобная колхозная практика снимала с человека часть забот, связанных с необходимостью самостоятельного выживания. Но эта внезапно наступившая беззаботность, как я понимаю, не была для членов самостоятельного крестьянского двора желанным поворотом судьбы. Внутреннее сожаление и даже отчаяние до сих пор слышатся в интонациях крестьянских семейных историй. Крестьяне, хваля колхоз, внутренне его презирают. "- В колхозе — лучше. Легче! Да ведь что в колхозе? — пошли, день проработали, грабли или косу, или мотыгу бросили — и шабаш. В колхозе-то не надо особо стараться. А в своем-то единоличестве?.. То нет плуга. То лошадь околела. То корова. То хомут изломался, то еще чего-нибудь. Это все забота, сухота-то, была наша! Тогда вся забота была на человеке, на хозяине! А сейчас, — нет ничаво! Или работать не хотят люди?.." *(Симакина. Поволжье, Лох Саратовской области.)*

Радикальное изменение отношений основных субъектов крестьянского общества явилось результатом "тихой коллективизации" 60-х годов, когда произошло укрупнение коллективных хозяйств и массовое селение так называемых "неперспективов". Эта акция имела не менее трагичные последствия, чем первая "громкая коллективизация". Только на этот раз раскулачили душу крестьянина. Это подтолкнуло к отъезду многих. "Объединение сильно повлияло на общую психологию людей. Они это восприняли как унижение, как обиду. И это вызвало большой отток. Казалось бы, что произошло? Просто объединились. Все те же поля, все то же животноводство... Нет, человека это сильно обидело!" *(Рудаков. Сибирь, Шабаново Кемеровской области.)*

В результате структура крестьянского общества радикально перестроилась и уже двор превратился в филиал колхоза. Двор

начал интенсивно отфильтровывать в себя все то, что "плохо лежало" в колхозе, становясь эксполярным хозяином значительной части произведенного коллективно добра. Предельно кратко это состояние тогдашнего крестьянского общества выражено в известном народном присловье: "Все вокруг колхозное, все вокруг мое". Теряя свое экономическое значение как относительно самостоятельно действующая система, двор на фоне резко укрупнившихся колхозов и совхозов потерял и свою удельную массу. Он уже был занят не поисками собственной ниши в новой хозяйственной ситуации, а начал быстро, систематически и сознательно подключаться к финансово-ресурсному потенциалу коллективного хозяйства. Колхоз стал рассматриваться крестьянством в качестве доступной "инфраструктуры" двора.

Двор в эти годы утрачивает свои родовые характеристики. Несмотря на то, что крестьяне, воспитанные с детства в кропотливой заботе о собственном хозяйстве, нередко продолжали транслировать эти дворовые привычки в колхозную работу, это стало восприниматься не как норма, а как чудачество и глупость. Если в доколхозном и в раннеколхозном дворе любая технологическая операция проделывалась с начала до конца (посадка—уход за растениями—уборка; весновспашка—боронование—осенняя пахота), то в позднеколхозном дворе начало многих хозяйственных технологий отыскивается в колхозе или иной организации (пахота и обработка почвы на колхозной технике в рабочее время, покупка или замена молодняка, получение цыплят, дров, угля, стройматериалов, сенокос на кормовых колхозных полях и вывоз сена за счет колхоза и др.).

Двор, таким образом, заботился преимущественно о конце труда: он завершал работу по доразиванию, достраиванию, доделыванию и вообще, — доведению до логического конца тех процессов, исток которых находился вне крестьянского хозяйства. Эта ситуация, разумеется, облегчила крестьянский труд. Но она одновременно избаловала работника, выработала привычку трудиться спустя рукава, обострила его хитрость и способность к приспособленчеству. Таким образом, в 60—70-х годах произошел окончательный "развод" колхоза и крестьянского двора и последний начал систематически обьегоривать родной колхоз, превратившись в его, так сказать, эксполярный филиал.

Что же происходит с крестьянским обществом сегодня? Я полагаю, что оно воплощает в своей организации довольно сложную и противоречивую комбинацию обоих состояний, через которые прошло за годы советской истории. Сейчас двор и колхоз — взаимные филиалы, взаимные "фильтры", взаимные "угодья", между которыми происходит ежедневная борьба и сотрудничество. Это стран-

ное состояние, похожее на бег по кругу или даже взаимное преследование, может оказаться, как мне представляется, весьма продуктивным для будущих судеб аграрной России, поскольку именно в нем реально испытываются и отбираются различные (как положительные, так и негативные) возможности и правила социально-экономического выживания крестьянства.

Самый популярный лозунг здешнего крестьянского общества: "Умрем, но вместе!" Это — подлинные слова, выкрикнутые в 1992 г. на общем собрании колхозников в ответ на провокационную инициативу местного начальства разойтись на 35—40 микроколхозов. Что это означает? То, что сегодня ни двор, ни крупное хозяйство не хотят ничего менять в устройстве крестьянского общества. Они демонстративно традиционны. Они якобы умирают вместе, причем напоказ, — "на миру и смерть красна". Каковы же формы этого показного умирания?

Колхоз, выступающий в форме филиала крестьянского двора, буквально убивает его субъектов. Убивает в форме жесточайшей эксплуатации на прополочных и плантационных работах (за сезон каждому акционеру надо пройти с тяпкой 67 км по свекловичным делянкам и проползти 26 км на огородных культурах), в форме систематической невыплаты и многомесячной задержки зарплат, уровень которых смехотворно мал (от 40 тыс. до 120 тыс. руб.), в форме придерживания выдачи натуры и т.п. Рассказы местных крестьян переполнены жалобами на колхоз, который систематически обворовывает крестьянскую семью. "Ведь гектар сахарной свеклы выполоть — это страшная работа! Если вы будете здесь летом, посмотрите, как мы пашем, как ишачим! И что мы получаем за это — смех и грех! Это ни в какие рамки не лезет... А станешь им, начальству то есть, про это говорить, а они в ответ: "Да ты больно умная, да ты больно грамотная, да ты такая-сякая..." (Работница консервного завода.)

И в то же самое время колхоз постоянно закрывает глаза на воровские акции двора, состав которых весьма разнообразен и изобретателен. Колхоз систематически прощает двору его эксплоярно-криминальные инициативы. Вот реплика заведующего фермой, прозвучавшая на одном из производственных совещаний: Как бы мы не старались, 50—70 т сена обязательно уйдет в станицу! Помните, как было всегда? Заготовливаем 950 т, но из них 50 т надо сбрасывать на воровство! Или, как *это* у нас называется "на благоустройство Привольной..." И если не будем закрывать глаза на эти 50 т, если будем применять репрессивные меры—то у нас все сено просто спалят! Вот она, — местным обычаем узаконенная комбинация колхозной экономики с экономикой крестьянского двора. Это — молчаливо установленная норма воровства, — норма, находящаяся вполне в рамках приличий.

Еще один пример. Говорит начальник колхозной охраны: "Вот вчера на планерке председатель велел наказывать людей за воровство. Но как я это сделаю?! Ведь все же свои! Это ж наши отцы!.. Ну, правильно: зерна в этом году дали мало, всего по 500 кг. 300 кг он смеет на муку. Разве оставшимися четырьмя мешками он прокормит птицу, поросенка?! Вот он и лезет в кукурузу. Сейчас ташат очень много. Вот, началась уборка лука... На поле едут и те, кто работал на подряде, и их родня, — все на своем транспорте. Разве за ними уследишь... Я тут 20 лет работаю, сначала участковым, а сейчас — начальником колхозной охраны. Никогда не было так трудно, как сейчас. С каждым днем все круче и круче воруют. И понять людей можно... И прощаем мы их, не наказываем". И это иррациональное сочетание кнута и пряника, когда они и приготовлены, но никогда не даются досыта и вполне, — это не отклонение от нормы, а сама норма, сама повседневная жизнь.

В то же время двор, выступающий в роли филиала колхоза, кладет набок и убивает последний в формах систематического уклонения от обязательных работ, предъявления разного рода медицинских справок о нездоровье, полученных за взятку ("за сало", как здесь выражаются), в формах так называемого "залегания на дно", забастовок, халатности, демонстративного невыполнения производственных технологий и т.п.

Вот выразительный диалог трех колхозных начальников, дословно записанный на одной из рабочих планерок.

"Заместитель председателя: — Списочный состав работников колхоза на глазах убывает. Вот, если в январе по спискам у нас было фактически 1537 человек, то в мае, когда составляли списки всех трудоспособных на прополку свеклы и бахчевых, в них оказалось всего 1223 человека. Куда ж деваются люди?

Главный агроном (мрачно): — Да они залегают на дно, прячутся, когда начинается тяжелая работа!.. Набирается у нас немало таких "хитромудрых", которые не берут по 1 га свеклы, а ухитряются полоть только по 30, 40, 50 соток. Надо их вылавливать, позорить и привлекать на прополку лука и помидоров!.. Ишь, какие умные нашлись...

Главный зоотехник: — Да, у нас в колхозе очень сильна уравнилельная психология. И никто особенно не хочет совмещать, — ведь это ж надо так работать?! Кто и может совмещать, способен на это — не хочет. Он покрутится на работе два часа утром и два часа после обеда, наворует себе чего-нибудь мимоходом, по мелочи и идёт холить своих свиней или рыбой промышлять..."

Колхозные властные функционеры постоянно раздражены этой непокорностью, неудобностью и несговорчивостью крестьян и не упускают случая попенять семейному двору за это. *Заместитель председателя:* "Тутошние крестьяне, ребята, — это хитрый народ!

Они не привыкли работать физически. Они привыкли все время в колхозе воровать, да торговать, да спекулировать: рыбой, раками... Народ очень хитрый! К работе люди не особо тянутся".

И в то же самое время именно члены двора способны, когда это необходимо, выкладываться без остатка в труде на общественном поле и на ферме. Но этих опорных точек колхозного труда становится со временем все меньше и меньше. Председатель колхоза часто повторяет: "Настоящих работников у нас — горстка! В каждой бригаде есть не более 5—6 человек, которые действительно работают, забыв о себе..." И все же эти люди есть в хозяйстве постоянно, и к ним время от времени присоединяется остальное сельское сообщество, включая обслугу, управленцев, медработников, школьников и учителей.

В итоге получается, что одной из важных характеристик сегодняшнего крестьянского общества является то, что производственно-экономические интересы колхоза и двора как центральных его субъектов сбалансированы: хотя и стихийно, но весьма точно. И в этом балансе учтены все факторы, — начиная от характера погоды, влияющего на урожай и кончая личностными свойствами председателя и бригадиров. Поэтому на поверку демонстративный лозунг здешнего сельского мира "Умрем, но вместе!" есть лишь вывеска, лишь своеобразная крестьянская идеологема, прикрывающая суть, которая может быть сформулирована в контрформуле "Будем жить, но порознь!" И эта взаимная филиальность колхоза и двора, когда они буквально фильтруют, выкачивают, взаимодренируют друг друга, эта их странная, но продуктивная нынешняя комбинация — изначально амбивалентна. Эта комбинация — прекрасна, поскольку сельская жизнь в форме якобы умирания и страдания идет своим чередом, строятся новые богатые дома, хорошо одеваются дети, автомобили и дорогая бытовая техника есть в каждом доме. В то же время эта комбинация — отвратительна, поскольку вынуждает субъектов крестьянского общества быть социально-экономическими оборотнями, запрограммированными на обкрадывание ресурсов и жизненной энергии своего партнера, лгущими друг другу систематически как в словах, так и в делах.

Главный ветврач: "Доярки врут, заведующая врет, скотники врут, — врут, что кормят, ухаживают, выпаивают... Сплошное вранье!.."

Заместитель председателя: "Все врут сейчас, безбожно. Никому нельзя верить, — ни начальнику, ни крестьянину, ни мне, ни тебе! Ну, тебе-то можно, ты ж не колхозник!.."

Мне кажется, что во взаимной борьбе субъектов нынешнего крестьянского общества инициатива находится у двора, который более решителен и поворотлив. Семейное крестьянское хозяйство, стремясь выжить, начинает систематически обрезать и ликвидиро-

вать те каналы своих связей с крупным хозяйством, которые так или иначе воплощают в себе идею сотрудничества, идею работы на общую пользу, идею "родного колхоза". И если в 30-е годы колхоз был филиалом двора, а в 60-е годы уже двор стал филиалом колхоза, то в середине 90-х годов колхоз и двор, "умирая вместе", постепенно разъединяются, предполагая "жить порознь". И только те информационные каналы и связующие нити остаются, по которым со стороны колхоза идут все более слабые, затухающие властные импульсы (начальства просто не слушаются), а со стороны семейного хозяйства идут все более сильные, изобретательные и отчаянно-смелые сигналы неповиновения, конфронтации, презрения к колхозу. И это уже не столько филиалы, сколько разные лагери, разные структуры, разные миры.

Но что самое интересное и важное, — персонажи, действующие лица здесь одни и те же. Механизатор в колхозе, вернувшись с работы, рассказывает, какой он дурак и осел, что старается прилежно трудиться на общественном поле! И затем говорит, — я не буду там больше горбатиться. Но тот же механизатор, находясь в бригаде, в коллективе, на миру, инстинктивно "держит марку", выкладывается, помогает коллегам, сотрудничает с руководством, по-своему любит бригадира и считает его лучшим. И все это происходит одновременно и в одном и том же месте. Мне кажется, что это — огромное испытание для психики российского человека, которое он, впрочем, успешно выдерживает.

Колхоз, в свою очередь, старается сохранить свою человеческую (точнее, кадровую) инфраструктуру, сберечь колхозную гвардию, воспроизвести работников, чтобы продолжать такую практику жизни, когда начальство может капитально наживаться, строить дома в городах и на курортах, покупать и менять машины, прихватывать землю и акции хозяйства, опираясь на богатство, создаваемое деревенским народом, работягами. И только в качестве рабов колхозу сейчас нужны станичники! С ними заигрывают, позволяют им воровать, спускают пьянство, вешают их фотографии на доску Почета.

Это двоедушие, оборотничество, такая амбивалентность — не есть что-то ненормальное. Наоборот, — это норма, это — принцип жизни, это — правила игры. О них никогда не говорится в открытую, но они молчаливо приняты всеми. Между прочим, в первые полгода на Кубани очень трудно жить, общаться, разговаривать. И я это слышал от многих переехавших сюда на жительство россиян. А почему? Да потому, что в здешнем повседневном существовании есть второе дно, есть обратная сторона жизни, о которой все знают, по законам этой двойной жизни живут, но о которой тебе никогда не расскажут, не покажут топографических карт этого скрытого мира.

Завершить свое выступление хотелось бы впечатлением от двух наблюдений, связанных с нынешним способом взаимодействия крупного хозяйства и крестьянского двора.

1. Семейный двор, — как бы ни был он открыт и доступен сельскому обществу, "миру", — все же одновременно и особая, в меру закрытая, относительно автономная хозяйственная и социально-культурная система. Сегодня он становится и своим собственным центром, и филиалом. И, если подняться от села и двора на уровень общества, весьма вероятен следующий вывод: какой бы ни была государственная экономика-политическая машина, крестьянский двор будет стремиться занять в обществе особое место, одновременно связанное с центральным "силовым агрегатом" (политическим, экономическим, ресурсным) и, по возможности, отключенное, независимое, в меру далекое от него. "Нам бы никакой власти не надо!.." — так высказался однажды старый саратовский крестьянин В.И.Воротников.

2. Председатель колхоза чуть ли не ежедневно ругает на планерке руководителей за то, что колхозный транспорт ночует в станице, что горючее рекой льется "налево", что урожай на четверть растаскивается и т.д. Обещает назавтра же примерно наказать виновных, но буквально через минуту все это забыто. В практике нынешнего крупного сельхозпредприятия, кажется, не достает спокойной, рациональной, законной, "капиталистической" жесткости. Не хватает правил разумной хозяйственной игры. Но, — и в этом, как я полагаю, суть экполярности сегодняшнего колхоза, — подобные правила немедленно остановили бы большое колесо жизни, которое, хотя и со скрипом, но безостановочно вертится в этом уголке южной России. Ведь его вращает не только колхоз, но и крестьянские дворы. Здешняя колхозно-хозяйственная жизнь замешена на нерациональности, на лукавстве, на ненормальной трудовой отваге, которая, на поверку, лишь средство для веселой казачьей пирушки или каких-то "левых" льгот. Я наблюдал, как главный зоотехник, пообещав 3 л джамура (местного самогона) механизаторам, чтобы те постарались завершить довольно приличный объем срочной работы, уехал в Краснодар. А когда вернулся, после сильнейшего дождя, остановившего все колхозные дела, увидел, что кукурузное поле скошено, убрано и комбайны перегнаны в другую бригаду. Главный зоотехник с неподдельным чувством хозяйской удовлетворенности и даже с восторгом сказал: "Да я им теперь не 3 л, а 5 л выставлю!"

Здешняя хозяйственная жизнь основана на причудливой морально-аморальной экономике, на комбинации совести и бессовестности, на изобретательном, лихом воровстве и угрюмой бережливости и даже скряжничестве, когда речь заходит о мелких тратах на людские нужды — установку вентиляторов, обогревателей и т.п.

А в итоге — на тотальном двоедушии, на социально-экономическом оборотничестве. Поэтому я думаю, что крестьяне, — и неудобный, неуклюжий, и в то же время какой-то непонятный, я бы сказал, "посторонний" класс. Он систематически в стороне, "в сторонке", на обочине магистральных (или объявленных таковыми) социальных процессов. И там ему, судя по всему, удобно и комфортно. Он — чужой. Чужой всему: рациональности, демократии, рынку, писаной законности, правилам среднестатистической цивилизованности. Он — хитроватый наблюдатель всего этого внешнего ему мира. И это особое место он хорошо знает и бережет, уводя от него посторонних наблюдателей, как птица уводит от гнезда озорников. Вот лукавейшие крестьянские рассуждения, записанные недавно на севере России: "Крестьянский народ — бестолковый! Приживется, так и в аду живет. Не ищет хорошей жизни. Вот, говорят: "Рыба ищет где глубже, а человек — где лучше..." Это — пустая поговорка. Человек живет, где родился!" (Попов. Север, Архангельская область, Пинежский район, деревня Кобелево.)

Н.К.Фигуровская: Не является ли нормой такое соотношение, когда на 1237 работников списочного состава приходится 70—80 человек, на которых опирается колхоз и эксплуатирует их? Может быть везде так?

Ответ: Я думаю, что может быть это и есть норма. Но несправедливость заключается в том, что этим 80 работающим людям платят столько же, сколько и всем остальным. Правда, они чаще других получают беспроцентные, а иногда и безвозвратные ссуды на учебу, на ремонт дома, на большие покупки и, самое главное, с их мнением считается начальство. Они имеют огромный авторитет.

Н.К.Фигуровская: Кроме разумной капиталистической жесткости не видите ли Вы другие формы преодоления социального оборотничества?

Ответ: Мне кажется, что если правила разумной капиталистической жесткости будут введены на Кубани декретом, они немедленно остановят то большое неуклюжее колесо жизни, которое со скрипом, но все-таки вертится в этом уголке южной России. Так, у американских картофелеводов работают примерно шесть или семь человек, за которыми стоит очередь примерно из 70 человек, готовых заменить любого из них. Там, в капиталистических странах, платят дополнительные деньги за работу по субботам, кормят, возят на работу и т.д. Там нормальные экономические отношения, за эту работу держатся и отбираются самые лучшие работники.

Т.И.Заславская: Что бы Вы могли сказать насчет социального и имущественного расслоения сельских семей?

Ответ: На Кубани процесс социально-имущественного расслоения идет очень быстрыми темпами, но при этом процветает демонстративное равенство. Например, ко мне подошел заведующий коммерческим отделом колхоза Николай Свиридов и, приложив палец к губам, сказал: "Только тихо. Никому не говори. Поехали с тобой в Каневскую (райцентр), покупать японский телевизор. Ты разбираешься в телевизионной технике, только, смотри, никому ничего не говори". Он же способен выложить за подарок к свадьбе дочери 15 млн руб., но не хочет, чтобы об этом знали сельчане. Он делает все только потихоньку. Пусть потом узнают, но не сейчас. Новые сильные демонстрируют, что они "нормальные", "как все".